

Из правах рукописи

АПРЕСЯН Юрий Дереникович

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА. СИНОНИМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

Специальность 10.02.19

Общее языкознание

А в т о р е ф е р а т
монографии, представленной на соискание
ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена во Всесоюзном научно-исследовательском институте информации и технико-экономических исследований в электротехнике "Информэлектро".

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор В.В.Мартынов
доктор филологических наук профессор И.С.Маслов
доктор филологических наук профессор В.А.Белопашкова

Ведущая организация:

Институт языкознания АН СССР

Защита состоится "16" сентября 1983 г. в 14 час.
на заседании Специализированного совета Д 056.03.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Белорусском государственном университете имени В.И.Ленина (220030 Минск, Красноармейская 6, гуманитарный корпус БГУ им. В.И.Ленина, ауд. 23).

С монографией можно ознакомиться в библиотеке Белорусского государственного университета им. В.И.Ленина.

Автореферат разослан "25" июля 1983 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
доктор филологических наук профессор

П.И.Шуба

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

I. Задача исследования

В современных лингвистических теориях семантика определяется как компонент полного формального описания языка, устанавливающий соответствие между семантическими представлениями предложений и их синтаксическими представлениями.

При синтезе, т.е. при переходе от семантического представления к синтаксическому ("модель говорения"), должны эксплицироваться факты синонимии предложений. Например, семантическому представлению 'Причиной того, что черепахи перестали жить, было то, что температура атмосферного воздуха стала меньше' должны быть поставлены в соответствие синтаксические представления таких синонимичных русских предложений, как а) Черепах погубило похолодание, б) Черепах погубило понижение температуры атмосферного воздуха, в) Черепахи погибли из-за похолодания, г) Гибель черепах была вызвана похолоданием <проистекла из-за похолодания>, д) Гибель черепах явилась следствием похолодания, е) Причиной гибели черепах явилось похолодание и т.п. (число возможных перифраз рассматриваемого смысла, получаемых с помощью вполне строгих и регулярных правил, заведомо больше ста).

При анализе, т.е. при переходе от синтаксического представления к семантическому ("модель понимания"), должны эксплицироваться факты омонимии предложений. Например, синтаксическому представлению предложения Мы пресекали остановку должно быть поставлено в соответствие два семантических представления: а) 'мы миновали то место, где транспортное средство останавливается для высадки и посадки пассажиров'; б) 'мы покрыли расстояние, отделяющее одно такое место от другого'.

Отношения синонимии и омонимии предложений внешне симметричны, но в языке играют существенно разные роли. Свойство иметь синонимы присуще всем предложениям естественного языка, а свойство иметь омонимы присуще лишь некоторым из них. Число синонимов данного предложения всегда превышает число его омонимов, причем с ростом длины предложения первое резко возрастает, а второе сокращается до нуля. Являясь, таким образом, фундаментальным свойством естественного языка, синонимия предложений представляет несравненно больший научный интерес, чем

их омонимия. Главной задачей реферируемой монографии как раз и является систематизация синонимических средств естественного языка.

Синонимия предложений создается за счет весьма разнообразных средств — лексических, морфологических, синтаксических (ср. При въезде на шоссе он прибавляет скорость — Внезапно на шоссе, он прибавляет скорость — Когда он выезжает на шоссе, он прибавляет скорость). В реферируемой монографии так или иначе упоминаются все типы синонимических средств языка, в том числе морфологические и синтаксические средства. Однако морфологическая и синтаксическая семантика — автономные и чрезвычайно сложные области лингвистики, как об этом свидетельствует, например, работы Е.В. Падучевой по семантике синтаксиса. Поэтому в нашей монографии в качестве предмета детального исследования были выбраны лишь лексические синонимические средства — разного рода дериваты, многозначные слова, лексические синонимы, конверсивы, антонимы и т.п. Преимущественная (но не исключительная) ориентация на лексическую семантику и дала название всему исследованию.

Независимо от степени детальности и глубины предлагаемых решений все они проверяются массовым материалом. Этот материал получен в результате систематического исследования семантических и лексикографических типов русского языка, под которыми мы понимаем большие классы слов с интересными для теоретической семантики или лексикографии общими свойствами.

2. Актуальность и практическая значимость работы

Утверждение об отставании лексической семантики от таких лингвистических дисциплин, как фонология, морфология, синтаксис, давно стало общим местом большинства языковедческих работ. Ситуация была поистине парадоксальной. Язык в своей основной функции всегда считался средством общения, т.е. средством передачи и получения определенной информации, однако именно эта функция языка оставалась наименее изученной. Лишь к 60-м годам нынешнего столетия в лингвистике заметился широкий поворот к проблематике лексической семантики. Однако и сейчас, в 80-е годы, лексической семантике предстоит сделать еще очень многое, чтобы стать вровень с другими лингвистичес-

кими дисциплинами по степени изученности объекта и надежности результатов.

Лексическая семантика имеет, конечно, самоовладющую научную ценность и достойна изучения сама по себе. Однако в некоторых отношениях она занимает особое положение в кругу лингвистических дисциплин. Это обстоятельство было осознано со всей отчетливостью в 60-х годах, когда бурно развивавшиеся синтаксические исследования стали приносить все новые и новые свидетельства того, что синтаксис естественного языка в высокой степени лексикализован и насыщен смыслом (ср. работы школы Н. Хомского, а также работы Н. Ю. Шведовой по синтаксису разговорной речи и историческому синтаксису). С этого времени отсутствие теории лексической семантики стало ощущаться тормозить развитие синтаксиса.

Роль лексической семантики для теории и практики лексикографии вряд ли нуждается в специальном обосновании. Отметим все же, что в настоящее время большинство лингвистов признает словарь необходимой частью полного теоретического описания языка, а не только памятником лексики или практическим справочным пособием для его носителей. По аналогии с теоретической и практической (школьной) грамматикой целесообразно говорить и о двух соответствующих типах словарей. Лексическая семантика представляет первостепенный интерес для словаря теоретического типа, поскольку она вводит в оборот принципиально новые типы лексикографической информации (пресуппозиции, коннотации, лексические функции, модели управления и т.п.), существенно обогащая традиционную концепцию словарной статьи толкового словаря.

Имеется еще одна область общего языкознания, прогресс которой непосредственно зависит от успехов лексической семантики. Это — лингвистическая метатеория, или система определений лингвистических понятий. Все нефонологические лингвистические понятия, будь то синонимия или антонимия, омонимия или полисемия, чистовидовая пара или способ действия, фразеологическая единица или свободное словосочетание, определяются со ссылкой на лексическое значение слова или на закон сложения значений.

Так, чистовидовая пара противопоставляется способу действия на том основании, что элементы чистовидовой пары имеют разные видовые, но одно и то же лексическое значение, между

тем как в способах действия различаются и видовые, и лексические значения. Чтобы сделать это определение проверяемым, надо точно знать, какая часть совокупного значения глагольной формы падает на ее основу, а какая — на граммему вида. Такое знание можно получить только с помощью изобретенного семантического анализа глагольных форм на специальной метализке (см., например, аспектологические работы М.Я. Гловинской).

Фразеологическая единица противопоставляется свободному словосочетанию на том основании, что во фразеологической единице "значение целого не равно сумме значений частей", а в свободном словосочетании такое равенство имеет место. Чтобы убедиться, что это определение действительно имеет нужный смысл, необходимо располагать научным словарем языка, в котором все слова истолкованы в соответствии с рядом формальных требований (включая, как показали И. Бар-Хиллел и У. Вейнрейх, требования экономичности и простоты). Этого, однако, мало. Нужны еще строгие и регулярные правила сложения значений — в противном случае выражение "сумма значений" останется пустой метафорой.

Даже на основании этих двух примеров можно сделать вывод, что строгое описание лексических значений и правил их взаимодействия является необходимой предпосылкой для построения проверяемой системы определений основных лингвистических понятий.

Таким образом, исследования в области лексической семантики важны не только сами по себе. Они закладывают основы для всего здания теоретической лингвистики.

В более прагматическом плане теория лексической семантики представляет интерес для практической лексикографии, преподавания языков и различных информационных приложений лингвистики. Здесь, по-видимому, будет уместно сослаться на то, что многие результаты реферлируемой монографии нашли в последние годы практическое применение во всех перечисленных областях.

В 1979 г. в издательстве "Русский язык" вышел "Англо-русский синонимический словарь". Автор, принимавший непосредственное участие в работе над словарем в качестве одного из руководителей и составителей, реализовал в подобных лексикографических описаниях синонимических рядов развитию в реферлируемой монографии концепцию лексических синонимов. В 1982 г. в Будапеште издательство "Танкёньвкиадо" выпустило составленный автором и

Э.Палл двухтомный словарь "Русский глагол - венгерский глагол. Управление и сочетаемость". В нем были практически воплощены разработанные в "Лексической семантике" концепции толкования значений, моделей управления и сочетаемости.

В начале 80-х годов в разных издательствах вышел ряд вузовских учебных пособий и сборников упражнений по русскому языку, в которых широко использовались материалы, идеи и определения, содержащиеся в "Лексической семантике".

Наконец, в 1982 г. была испытана и принята в пробную эксплуатацию экспериментальная система французско-русского автоматического перевода ЭТАП-I. Ее лингвистическое обеспечение было разработано в московском институте "Информэлектрон" под руководством и при непосредственном участии автора с учетом ряда результатов по моделям управления, полученных в "Лексической семантике".

3. Научная новизна исследования и достоверность результатов

В реферируемой монографии представлено новое направление современной лексической семантики, характерными чертами которого являются: а) переход от классификаций семантического материала .. формулировке строгих правил семантических преобразований, описывающих законы превращения лексических единиц различных классов друг в друга и эксплицирующих тем самым синонимическую систему языка; б) экспериментальный метод получения и проверки результатов.

Результаты, полученные в монографии, можно подытожить следующим образом:

1) Уточнено понятие лексического значения. Предметом особого внимания были три важнейших свойства лексических значений, присущие, впрочем, и другим типам языковых значений: национальная специфика, многослойность (расслоение значения на ассертивную часть, пресуппозиции, модальную рамку, рамку наблюдения) и внутренняя синтаксическая организованность (структурированность). Собственно семантика отделена от прагматики, с одной стороны, и от сочетаемости слова, с другой.

2) Введены элементы семантического языка (словаря и синтаксиса) для описания лексических и грамматических значений, и сформулированы общие требования к семантическому языку.

3) Сформулированы и проиллюстрированы представительным материалом общие принципы толкования значений и приемы проверки правильности толкований.

4) Сформулирован ряд новых правил взаимодействия и нетривиального преобразования значений в составе вполне свободных словосочетаний, в частности, правила зачеркивания повторяющихся или несогласимых сем.

5) Намечены пути перехода от семантических структур к глубинно-синтаксическим на основе моделей управления. В связи с этим подробно проанализированы понятия модели управления и семантической валентности слова, предложена иерархическая типология семантических валентностей, уточнены некоторые элементы глубинно-синтаксического языка.

6) Введены некоторые новые лексические функции - дериваты; систематизированы типы супплетивного словообразования и регулярной многозначности (семантической деривации), теснее всего связанные с синонимической (парафразической) системой языка.

7) Дано новое определение понятия лексического синонима и систематизированы возможные типы сочетаемых различий между синонимами. Проанализировано понятие оттенка значения и сделан вывод, что оно является излишним, так как дублирует другие важные и более отчетливо определяемые семантические понятия.

8) Дано определение лексических конверсивов, указаны регулярные способы их образования, представлена синтаксическая классификация конверсивов, перечислены их основные семантические типы и систематизированы возможные типы сочетаемых различий между ними.

9) Выделены три семантических типа отношений между антонимами, введены понятия простой и сложной антонимии, развиты представления о семантической асимметрии антонимов и на этой основе предложено новое определение лексических антонимов. Указаны регулярные способы образования антонимов и систематизированы возможные типы сочетаемых различий между ними.

10) Наряду с точными семантическими категориями - дериватами, синонимами, конверсивами, антонимами в собственном смысле слова рассматриваются квазикатегории - неточные дериваты, неточные синонимы и т.д. Предложена классификация квазикатегорий, и для некоторых классов квазикатегорий сформулированы типичные контек-

стуальные условия нейтрализации семантических различий между их членами, в которых они приобретает способность к синонимичным взаимозаменам.

11) На основании изученных типов семантических категорий и квазикатегорий предложены новые правила равнозначного (синонимичного) и имплекативного (квазисинонимичного) преобразования предложений на глубинно-синтаксическом уровне.

12) Систематизированы факторы (фильтры), регулярно ограничивающие свободу равнозначных преобразований в тех или иных контекстуальных условиях.

Массовость собранных материалов и экспериментальный метод их обработки обеспечивают воспроизводимость полученных результатов и, следовательно, достоверность теоретических выводов. Семантическое описание лексических значений, квалификация семантических отношений между ними и правила их семантического преобразования считаются адекватными естественному языку, если они позволяют объяснить два ряда непосредственно наблюдаемых фактов, а именно: факты синонимии - омонимии предложений; факты языковой правильности - неправильности предложений.

4. Апробация работы

Материалы монографии докладывались на конференциях 1967 - 1982 г.г. по вопросам семантики, лексикографии, фразеслогии, синтаксиса и автоматической обработки текстов в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, Риге, Тбилиси, Самарканде, Таллине, а также на симпозиуме по вопросам лингвистики связного текста в Варшаве в 1976 г. На основе монографии было прочитано несколько курсов по лексической семантике: в 1968 г. - в Минском педагогическом институте иностранных языков, в 1969 г. - в Вильнюсском университете, в 1970 г. - в Донецком университете, в 1971 г. - в Самаркандском университете, в 1972 г. - в Киевском университете и в Университете дружбы народов им. Думудсы, в 1974-1975 г.г. - в Институте психологии АПН СССР, в 1978 г. - в МГУ.

Монография была предметом нескольких рецензий и переводилась целиком или в извлечениях на ряд иностранных языков (см. раздел "Библиография" в конце данного автореферата).

5. Структура работы

Монография состоит из предисловия, семи глав и библиографии. Хотя она носит по преимуществу теоретический характер, ее основные разделы насыщены фактическим материалом, анализ которого проводится с установкой на получение лексикографически полезных результатов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава первая. Основные идеи современной семантики.

Эта глава состоит из трех разделов.

В первом разделе – Истоки семантики – коротко прослеживается генезис современной лингвистической (в частности – лексической) семантики. Показано, что она уходит своими корнями в ряд лингвистических и смежных с ними дисциплин, из которых важнейшими являются лексикография, лингвистическая семантика середины столетия, философия языка, теория формальных грамматик и современная математическая логика.

Из теоретической лексикографии (прежде всего, трудов Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, Э.Свицера, Ш.Балли) современная семантика заимствовала а) представление о лексическом значении как "наивном" понятии о вещи или ситуации действительности; б) учение об обусловленности лексического значения не только экстралингвистическими, но и лингвистическими факторами, в частности, синтагматическими и парадигматическими связями слова в текстах и в словаре; в) мысль о том, что даже в свободных словосочетаниях значения отдельных слов, складываясь друг с другом, не обязательно дают простую "сумму значений" (Л.В.Щерба), а могут порождать и более сложный продукт; г) принцип исследования и экспликации значений с помощью особого "интеллектуального языка-идентификатора" (Ш.Балли), более простого и экономного, чем описываемый естественный язык.

Из лингвистической семантики середины внешнего столетия (Р.Якобсон, Л.Ельмслев) было заимствовано представление о компонентной структуре языковых значений, т.е. о делимости значений на более мелкие элементы – семы (см. работы Д.Н.Шмелева, Н.И.Толстого, В.Г.Гака, А.Греймаса, Ф.Лаунсбери и многих других авторов). Философская традиция толкования значений, про-

слеживаемая вплоть до античности, дала современной семантике методику исследования лексического значения в составе целого предложения и в связи с той ситуацией, которая им описывается. Наконец, логике и порождающей грамматике семантика обязана тем, что сейчас она располагает элементами формального языка для описания значений, с определенными на этом языке "семантическими уравнениями" – правилами равнозначного преобразования (перифразирования) предложений.

Всерой раздел посвящен семантике как части общей теории языка. Для многих современных лингвистических школ характерно понимание семантики как особого компонента полного описания языка. Последнее в свою очередь мыслится как формальный многоуровневый преобразователь смыслов в текст, и наоборот.

В рамках моделирующего подхода к описанию языка каждый компонент модели, отражающий устройство определенного уровня языка, предстает как набор правил соответствия между формальными представлениями двух смежных уровней. Так, морфология – это правила преобразования морфологических представлений предложений в фонологические, и наоборот; синтаксис – это правила преобразования синтаксических представлений предложений в морфологические, и наоборот. Аналогичным образом семантика – это набор правил, устанавливающих соответствие между семантическими и синтаксическими представлениями предложений.

Все компоненты модели, т.е. различные наборы правил, взаимодействуют со словарем, включающим разветвленную и детальную информацию о морфологических, синтаксических, сочетаемостных и семантических свойствах данного слова и его регулярных синтаксических и парадигматических связях с другими единицами языка.

Словарь и правила образуют единое описание языка. В современной трактовке (ср. первоначальную версию этой концепции у Дж.Кайнда и П.Постала) "единое описание языка" обозначает две вещи. Во-первых, словарь и наборы правил ("грамматика") должны быть идеально согласованы друг с другом по типам содержащейся в них информации. Во-вторых, информация определенного типа (например, морфологическая, синтаксическая, семантическая) должна записываться на одном и том же формальном языке и в грамматике, и в словаре; в противном случае словарь и грамматика не

смогут взаимодействовать друг с другом.

Различные школы и направления современной семантики обнаруживают значительную долю единомыслия в понимании места и роли семантики в общей теории языка. Минимум представлений, который можно считать общим для большинства школ, включает, по-видимому, следующие положения, помимо уже названных: 1) семантика эксплицирует прежде всего знание языка, а не знание логики, психологии или действительности; 2) в принципе она должна заниматься значениями всех содержательных единиц языка, а также смыслом предложений и целых связных текстов, однако к формальному решению последней задачи семантика сейчас еще не подготовлена; 3) и в языке, и в лингвистическом описании имеет место паритет словаря и грамматики (хотя некоторые школы настаивают на приоритете грамматики, а другие — на приоритете словаря); 4) и в языке, и в лингвистическом описании имеет место паритет синтаксиса и семантики (хотя некоторые школы настаивают на приоритете синтаксиса, а другие — на приоритете семантики); 5) для записи семантических представлений в конечном счете надо будет пользоваться некоем формальным языком типа языка деревьев зависимостей, деревьев составляющих или графов более общего вида; однако в настоящее время целесообразнее толковать значения на специально препарированном — сокращенном, упрощенном и стандартизованном — естественном языке (особенно интересны в этом отношении работы А. Вехбицкой).

Изложенный выше минимум общих представлений вывел, с точки зрения автора, наиболее полное и последовательное воплощение в теории лингвистических моделей "Смысл \leftrightarrow Текст", рассматриваемой в последнем разделе первой главы.

Модель "Смысл \leftrightarrow Текст" образует ядро лингвистической концепции, лежащей в основе реферируемой монографии. Особый интерес для исследований в области лексической семантики представляют разработанные в ее рамках понятия семантического представления предложения, глубинно-синтаксического представления предложения, лексической функции, правил перифразирования и толково-комбинаторного словаря. Они вводятся по мере необходимости при изложении последующих глав.

Глава вторая. Семантический язык как средство толкования лексических значений.

Эта глава состоит из семи разделов.

В первом разделе — языковой знак и понятие лексического значения — рассматривается семантика, синтактика и прагматика лексических знаков в их отношении к понятию лексического значения.

Семантика знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. Каждое такое понятие является элементом отражаемой в естественном языке наивной системы понятий — наивной геометрии, физики, психологии, астрономии. Наивные системы понятий специфичны для языка в двух отношениях.

Во-первых, наивная картина некоторого участка действительности может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка. Например, научное (эвклидово) понятие высоты отличается от наивного по крайней мере четырьмя признаками: 1) эвклидовых высот у треугольника столько, сколько у него вершин; наивная высота у предмета всегда одна; 2) эвклидова высота может быть расположена в горизонтальной плоскости; наивная высота вертикальна; 3) в эвклидовой геометрии любые треугольники имеют высоту; в наивной геометрии осмысление одного из измерений предмета как высоты зависит от его внешнего устройства, формы, места крепления к другому предмету, положения наблюдателя и других факторов (стремянка может быть названа высокой, а веревочная лестница всегда длинная; большой контейнер может быть назван высоким при взгляде снаружи, и глубоким, если наблюдатель — реальный или только мысленный — заглядывает сверху внутрь него); 4) для эвклидовой высоты неважно, насколько она уступает другим линейным размерам тела — монета с научной точки зрения имеет высоту и является цилиндром. С наивной точки зрения монета характеризуется не высотой, а толщиной и представляет собой не цилиндр, а кружок.

Во-вторых, наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается.

Вопрос о синтактике знака в интересующем нас аспекте сводится к одному из центральных в современной семантике вопросов о различии между лексическим значением слова и его сочетаемостью. В связи с этим в монографии вводятся понятия морфо-синтак-

сической, лексической и семантической сочетаемости слова.

Граница между лексической и семантической сочетаемостью проводится следующим образом. В первом случае сочетаемостные ограничения нельзя задать иначе, как списком слов, с которыми сочетается данное слово; ср. глагол сбросить в значении 'резко уменьшить' — сбросить вес, газ, давление, скорость, температуру, но не *сбросить размер, ширину, толщину, расстояние и т.п. Во втором случае сочетаемостные ограничения можно задать указанием семантического признака. В частности, глагол уменьшить, квазисинонимичный глаголу сбросить, сочетается с любым существительным, обозначающим градуируемый физический параметр тела или процесса; равно возможны и уменьшить вес, газ и т.д., и уменьшить размер, толщину и т.д.

В связи с вопросом о синтактике лексического знака рассматриваются ситуации, когда некая семантическая информация может быть истолкована либо как особенность семантики слова, либо как особенность его синтактики, а именно семантической сочетаемости, либо и первым, и вторым способом.

Последняя ситуация — ситуация неоднозначности семантических описаний — иллюстрируется введенным в работах автора понятием предельных прилагательных. Предельность — свойство, которое есть, например, у прилагательных со значением малого полюса шкалы линейного размера (короткий, низкий, узкий, тонкий, мелкий), прилагательных цвета, оценки и ряда других, но отсутствует у прилагательных со значением большого полюса шкалы линейного размера (длинный, высокий, широкий, толстый, глубокий). Предельные прилагательные легко сочетаются с наречиями, имеющими значение полной степени признака (совсем короткий, низкий, узкий, тонкий, мелкий, совсем красный, совсем плохой), а неопредельные прилагательные с трудом сочетаются с ними (сомнительно или невозможно совсем длинный, высокий, широкий и т.д.).

Имеются аргументы и в пользу того, чтобы считать предельность семантическим свойством прилагательных, и в пользу того, чтобы считать его свойством их синтактики. В последнем случае предельность не включается непосредственно в лексическое значение слова.

В прагматику знака входят семантические ассоциации, или

коннотации, модальные рамки, пресуппозиции.

В реферируемой монографии отстаивается та точка зрения, что модальные рамки и пресуппозиции входят непосредственно в лексическое значение слова и должны отражаться в его толковании, однако не в том компоненте толкования, который представляет семантику слова. Различие между этими прагматическими и собственно семантическими элементами толкований проявляется объективно. Противоположные смысловые компоненты в семантике порождают антонимию (хороший - плохой); если же они входят в модальные рамки, антонимия не возникает (ср. форум - собрание, очи - зенки).

Что касается коннотаций, то они не включаются непосредственно в значение слова и должны описываться в особой зоне его словарной статьи. Коннотации отражают связанные со словом культурные представления и традиции и другие внеязыковые факторы. Они очень капризны и могут различаться даже у синонимов. Со словом ишак, например, ассоциируется представление о готовности безропотно работать, а со словом осел - его точным синонимом в главном значении - представление о тупости и упрямстве. Хотя коннотации не входят непосредственно в семантику знаков, они служат основой метафорических переносов, сравнений, словообразовательных процессов. В результате признак, являющийся ассоциативным и прагматическим в одном значении, выступает в качестве существенного и семантического в другом; ср. переносные значения существительных ишак и осел, слуга и лакей, пес и кобель.

Во втором разделе - Элементы языка для толкования лексических значений - формулируются требования к семантическому метаязыку (его словарю и синтаксису) и один класс правил преобразования, связывающий семантический и глубинно-синтаксический уровни представления предложений.

Словарь семантического языка должен удовлетворять следующему основному требованию: имена смыслов и сами смыслы - семы - должны находиться во взаимнооднозначном соответствии. Иными словами, в словаре метаязыка не должно быть ни синонимов, ни омонимов.

Обычные толкования не всегда удовлетворяют этому требованию. Колоть, например, толкуется как '... делить на куски...

а рубить – как ‘... делить на части...’. Смыслы ‘кусок’ и ‘часть’ существенно отличаются друг от друга, но было бы ошибкой думать, что колка отличается от рубки именно по этому семантическому признаку. И колоть, и рубить можно и на куски, и на части. Поэтому данный компонент смысла в обоих толкованиях должен быть обозначен не двумя разными словами, а одним и тем же. С другой стороны, два совершенно несинонимичных прилагательных – широкий и толстый – толкуется как ‘большой в поперечнике’. Поскольку широкий может описывать двумерные тела (например, дорогу), а толстый всегда предполагает объемное, трехмерное тело, получается, что ‘в поперечнике’ используется в данных определениях в двух разных значениях.

Итак, если сформулированное требование не соблюдается, то в одних случаях словам приписываются семантические различия, которых в действительности нет, а в других случаях реально существующие семантические различия остаются неэксплицитными.

Второе требование состоит в следующем. Число слов в семантическом языке должно быть не слишком большим, однако достаточным для того, чтобы все лексические значения в рамках фиксированного объекта были описаны исчерпывающим образом. Данное требование означает, что слова метаязыка должны выражать относительно простые смыслы, в том числе и элементарные.

Сформулированное условие является не только определенным desideratum, но и отражением того, как реально устроена семантическая система. Каждая сема входит в большое число лексических значений, разнообразие которых возникает за счет различий в составе сем или в их синтаксической организации. В реферируемой монографии этот тезис подтверждается семантическим анализом глаголов перемещения.

Синтаксис семантического языка – это набор отношений подчинения, связывающих предикатные слова с их аргументами. Имплицитно он почти целиком содержится в его словаре, потому что большинство отношений подчинения соответствует валентным свойствам слов семантического языка.

Объектами семантического языка являются семантические представления, которые в реферируемой монографии рассматриваются с точностью до структур (СемС), т.е. без учета коммуникативной организации, денотативных статусов именных групп, иллокутивных

статусов предложений и т.п.

Для преобразования СемС в глубинно-синтаксические структуры (ГСС), под которыми понимаются деревья зависимостей определенного вида, требуется несколько наборов правил, из которых в реферируемой монографии рассматривается лишь один – так называемые правила зачеркивания.

Правила зачеркивания эксплицируют законы неаддитивного сложения значений, т.е. такого их взаимодействия в составе совершенно свободных словосочетаний, при котором значение целого не равно сумме значений частей. Рассматриваются две разновидности зачеркивания – зачеркивание одного из двух исключających друг друга смыслов и зачеркивание одного из двух повторяющихся смыслов.

В реферируемой работе рассмотрено шесть классов русских глаголов, семантическое поведение которых в некоторых контекстуальных условиях регулируется правилами зачеркивания первого типа. Наиболее интересный из них – глаголы с семантической структурой вида ‘...А или В...’, где ‘А’ – сравнительная степень, а ‘В’ – положительная степень предельного прилагательного; ср. исправиться = ‘стать лучше или стать хорошим’, испортиться = ‘стать хуже или стать плохим’. Когда от таких глаголов зависит наречие типа совсем, имеющее значение полной степени признака, то зачеркивается вся первая часть их толкования, поскольку значение полной степени несовместимо со значением сравнения: ср. Погода совсем испортилась = ‘Погода стала совсем плохой’, а не ‘Погода стала совсем хуже или совсем плохой’. (Показательно, что глаголы типа ухудшиться = ‘стать хуже’ или улучшиться = ‘стать лучше’, в значение которых предельное прилагательное не входит, вовсе не сочетаются с совсем; ср. не-правильность *Погода совсем ухудшилась, совсем улучшилась.) Если же от таких глаголов зависит наречие типа немного, значение которого несовместимо с идеями строго положительной или строго отрицательной оценки, то зачеркивается вся вторая часть их толкования: Зрение у него немного исправилось = ‘Зрение у него стало немного лучше’, а не ‘Зрение у него стало немного лучше или немного хорошим’.

Второй тип зачеркивания – снятие одной из двух повторяющихся сем – представлен в словосочетаниях типа процесс борьбы,

лингвистическая наука, красного цвета, говорить шепотом и т.д.

В связи с этим типом зачеркивания обсуждаются два возможных способа описания значений в словосочетаниях типа высокий человек - человек высокого роста, Имба горит - Огонь горит и т.п. Первый способ: слова высокий, гореть и т.п. представлены здесь в двух разных значениях. Тогда нет нужды в правиле зачеркивания. Второй способ: слова высокий и гореть представлены каждое ровно в одном значении - высокий = 'большого роста', гореть = 'выделять огонь'. Тогда для словосочетаний человек высокого роста, Огонь горит надо постулировать правило зачеркивания повторяющихся сем, например, человек высокого роста = 'человек большого роста' = 'человек большого роста'. Приводятся аргументы в пользу первого способа.

В третьем разделе формулируются условия, которым должны удовлетворять толкования и толкуемые выражения.

Требования к толкованиям очевидны: 1) толкуемое значение должно определяться через более простые семы и шаг за шагом сводиться к небольшому набору элементарных сем, что позволяет избежать тавтологического круга в толкованиях; 2) определяющие семы должны быть необходимы и достаточны для определяемого значения, или, иными словами, толкование должно быть точной синонимической перифразой толкуемого выражения.

Эти очевидные требования оказываются неожиданно трудными и нетривиальными при попытке последовательно реализовать их во всей системе толкований. В частности, им не отвечают обычные в лексикографии толкования через синоним и даже толкования типа просить = 'обращаться с просьбой': 'просьба' по смыслу не проче, чем 'просить'. Такие толкования имеют еще и тот недостаток, что не вскрывают тонких семантических связей между тематически близкими, квазисинонимичными, антонимичными и другими подобными значениями. Если просить = 'обращаться с просьбой', а, например, требовать = 'обращаться с требованием', то просьба и требование оказываются представленными изолированно друг от друга. Эксплицитные толкования позволяют явно представить все сходства и различия между ними: просить, чтобы А делал В = 'побуждать А делать В, считая, что А может сделать В, и не считая, что А должен сделать В'; требовать, чтобы А делал В = 'побуждать А делать В, считая, что А должен сделать В'. Следует, наконец, отметить, что

поскольку точный синоним есть далеко не у каждого слова, толкование через ближайший неточный синоним или неточный перифрастический оборот либо приписывает толкуемому выражению лишние смыслы, либо фиксирует не все имеющиеся. Так, в неэксплицитных словарных толкованиях баллотироваться = 'выставлять свою кандидатуру для баллотировки', волноваться = 'приходить в волнение', грезить = 'погружаться в грезы' глаголам баллотироваться, волноваться и грезить приписано значение начинательности, которого у них нет.

Требование к толкуемым выражениям одно: в общем случае толковаться должна не отдельная лексическая единица, а сентенциальная форма, включающая, помимо этой единицы, еще и некоторые переменные - имена участников обозначаемой ею ситуации. Покажем, почему это необходимо.

Во всех толковых словарях русского языка репутация определяется через мнение: репутация = 'создавшееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-чего-л.'. В этой формулировке репутация предстает как разновидность мнения, что является очевидной ошибкой. В действительности между репутацией и мнением есть интересное залоговое различие. Первая валентность репутации - объектная (о ком или о чем думает), а вторая - субъектная (кто думает). У мнения, наоборот, первая валентность субъектная (кто думает), а вторая - объектная (о ком или о чем думает). Чтобы отразить это различие и одновременно удержать привлекательную возможность эксплицировать репутацию через мнение, необходимо толковать следующую сентенциальную форму: репутация X-а среди Y-ов = 'давно сложившееся общее мнение Y-ов о достоинствах и недостатках X-а'.

В заключение этого раздела перечисляются эвристические приемы, облегчающие, хотя и не гарантирующие нахождение правильных толкований. К ним относятся анализ ситуации, анализ парадигматически связанной группы слов (ср. видеть - смотреть, слышать - слушать, обонять - нюхать), анализ синтагматически связанной группы слов, анализ "отрицательного языкового материала" (Л.В.Щерба).

Отрицательный языковой материал, извлеченный из текстов или полученный экспериментальным путем, уникален в том отношении, что позволяет во много раз быстрее и эффективнее, чем нормаль-

ные тексты, установить существенные элементы значения слова. Употребление глагола доставать в значении, представленном в словосочетаниях типа достать кошелек из кармана, достать книгу с полки, регулируется одним весьма любопытным ограничителем. Оно спрятано очень глубоко, но легко обнаруживается, когда глагол доставать исследуется в экспериментальных условиях неправильного контекста. Сравним фразы Он вынул руку из кармана и Он достал руку из кармана. Первая абсолютно корректна; вторая либо неправильна, либо обозначает ситуацию, когда объект (в данном случае - рука) отделен от целого; ср. также Он достал ножку стула из лужи. Из сказанного следует, что в лексическое значение глагола доставать входит указание на то, что объект действия не является в описываемый момент связанной частью какого-либо предмета (ни один толковый словарь этого семантического элемента в значении доставать не замечает).

В четвертом разделе приводятся опыты толкования лексических значений и рассматриваются приемы проверки правильности толкований. Воспроизведем несколько примеров.

А препятствует В в X-е Y-ом = 'Посредством Y-а А затрудняет для В ряд действий, без выполнения которых невозможно достижение X-а - цели В'; А способствует В в X-е Y-ом = 'Посредством Y-а А облегчает для В ряд действий, выполнение которых необходимо для достижения X-а - цели В'; А мешает В в X-е Y-ом = 'Посредством Y-а А затрудняет для В выполнение X-а, причем А и В действуют одновременно'; А помогает В в X-е Y-ом = 'Посредством Y-а А облегчает для В выполнение X-а, причем А и В действуют одновременно'. Интересно, что А помешал В в X-е Y-ом = 'Посредством Y-а А сделал невозможным для В выполнения X-а...!', между тем как А помог В в X-е Y-ом = 'Посредством Y-а А облегчил для В выполнение X-а...': граммема совершенного вида вносит существенно разные семантические вклады в совокупное значение антонимичных глагольных основ помешать и помочь.

В пятом разделе показывается, что семантический язык важен не только как средство толкования лексических значений, но и как инструмент общей лингвистики. В частности, он позволяет утвердительно ответить на один из главных вопросов лексической семантики: "система ли лексика"?

Следующие определения системы кажутся нам разумными, хотя и далеко не исчерпывающими: (I) множество объектов образует сис-

тому, если для их полного и избыточного описания требуется меньшее число элементов; (2) множество объектов образует систему, если они могут преобразовываться друг в друга по достаточно общим правилам. Эти определения не только совместимы, но существенно дополняют друг друга: и возможность экономного описания объектов, и возможность их взаимопревращений зависят от того, повторяются ли в их определениях одни и те же элементы, т.е. имеются ли у них какие-то общие части, или нет.

Семантический язык описанного выше типа позволяет продемонстрировать, что лексика - система в обоих этих смыслах и притом в гораздо большей степени, чем принято было думать до сих пор.

В шестом разделе - "От толкований к глубинно-синтаксическим структурам" - рассматриваются модели управления как одно из средств преобразования СемС ↔ ГСС и ключевое для модели управления понятие семантической валентности слова.

Семантическая валентность предикатного слова - это валентность непосредственного участника обозначаемой им ситуации. Формально каждой семантической валентности соответствует переменная в толковании значения слова.

Арендовать значит, в первом приближении, что за какое-то вознаграждение Д лицо А приобретает у другого лица К право на эксплуатацию недвижимой собственности С в течение времени В. Следовательно, существенными для ситуации аренды являются следующие "участники", или семантические актаны: субъект аренды (тот, кто арендует), первый объект (то, что арендуют), контрагент (тот, у кого арендуют), второй объект (то, за что арендуют - плата) и срок (то, на сколько арендуют). Эти актаны достаточны и необходимы, т.е. полностью определяют именно ситуацию аренды; любые изменения в их составе или числе привели бы к ее трансформации в какую-то другую ситуацию, например, ситуацию купли - продажи, ссуды, простой передачи и т.п.

С другой стороны, ничто в ситуации аренды не требует указания того, по какой причине, где, когда, с какой целью она осуществлялась, хотя в принципе словоформы с перечисленными значениями к глаголу арендовать вполне присоединимы. Следовательно, такие словоформы реализуют не семантические валентности рассматриваемого глагола, а его чисто синтаксическую способность присоединять к себе разного рода обстоятельства.

Это существенное различие между семантическими валентностями и другими типами зависимостей выражается еще и в том, что валентностей у большинства слов немного, и их морфологическое оформление часто идиоматично, т.е. зависит не только от содержания валентности, но и от того слова, которому она принадлежит (ср. наказывать кого и взыскивать с кого, продавать товар и торговать товаром, затрагивать интересы, влиять на интересы и отражаться на интересах и т.п.). Напротив, чисто грамматически каждое предикатное слово способно подчинить себе много других слов, морфологическое оформление которых неидиоматично, более или менее стандартно, т.е. диктуется содержанием соответствующей подчинительной связи, а не лексическими свойствами подчиняющего слова.

Выделяется 25 типов валентностей, которые могут быть семантическими хотя бы при некоторых лексемах: субъекта, контрагента (защищаться от собаки), объекта, содержания (считать, что работа дельная), адресата, получателя, посредника (передавать через секретаря), источника (брать в кассе взаимопомощи), места (находиться в лесу), начальной точки, конечной точки, маршрута (идти по дороге), средства (прибывать гвзздами), инструмента (прибывать молотком), способа (обращаться плохо), условия (компромисс на этих условиях), мотивировки (наградить за храбрость), причины (проистекать из-за отсутствия информации), результата (превращать в воду), цели (стремиться к общему благу), аспекта (больше в ширину), количества (перевыполнять на 40%), срока (отпуск на два месяца), времени (встреча в восемь часов).

Валентности субъекта, контрагента, объекта, содержания, места, времени и количества являются первичными и исчерпывают актантные отношения синтаксиса, составляющего, вместе с элементарным словарем, исходный семантический язык. Все остальные валентности производны от этих семи и получаются из них с помощью регулярных правил.

Описанная выше номенклатура актантных значений, или семантических ролей, существенна не только для характеристики синтаксических свойств слова. Она играет в языке фундаментальную роль, так как с удивительным постоянством обнаруживает себя на самых разных уровнях языка и в самых различных ипостасях — словосизменительной (семантика падежей), словообразовательной (семантика словообразовательных типов), лексической (типы различий

между значениями полисемичных слов и между неточными синонимами). Так, одно из различий между досадить и насолить заключено в субъекте: насолить предполагает у субъекта намерение причинить другому неприятность, а досадить – нет. В паре рубить – колоть имеется различие в объекте (в случае колоть – обязательно твердом) и различие в инструменте (в случае рубить – обязательно). Рисовать и писать в "живописном" значении отличаются друг от друга по призыву средства. Для присистекать обязательно указание причины, а для происходить – нет. См. также описание типов регулярной полисемии в третьей главе.

Модель управления слова мыслится как особая зона словарной статьи данной лексики, в которой помещается информация о семантических и синтаксических валентностях лексики и о способах их морфологического оформления. Моделью управления снабжаются все предикатные слова, семантические валентности которых могут быть реализованы в виде (поверхностно-)синтаксических зависимых. Помимо глаголов, к ним относятся существительные (авторитет кого среди кого в чем), прилагательные (соизмеримый с чем по чему), наречия (независимо от кого) и т.п.

Проблематика моделей управления представлена в реферруемой книге восемью темами: состав семантических валентностей слова, упорядочение валентностей, явления синкретизма при выражении валентностей, сочетаемость слова по данной валентности, морфологические способы реализации валентностей, синтаксическая факультативность – обязательность, расщепление валентностей, трансформируемость моделей управления. Ниже коротко представлены некоторые из этих тем.

Состав валентностей слова определяется анализом обозначаемой им ситуации (ср. выше глагол арендовать). Минимальное число валентностей – одна (ср. расти), максимальное, по нашим данным, – шесть (ср. командировать – кто, кого, откуда, куда, с какой целью, на какой срок).

Упорядочение валентностей производится на основании следующих соображений: а) степени синтаксической обязательности словоформы, которая ее реализует; б) естественного порядка появления в тексте манифестантов валентностей слова; в) числа значений, для которых данная валентность является семантической; г) соображений симметрии.

При исследовании морфологических способов реализации валентностей особое внимание уделяется вариативности морфологических средств оформления одних и тех же семантических валентностей у разных слов и ситуациям, когда семантическая валентность по тем или иным причинам вообще не может быть реализована.

Исследование морфологических способов реализации валентностей, явлений семантической и синтаксической обязательности - факультативности валентностей и явлений расщепления валентности позволяет уточнить понятие управления.

Различаются семантическое и синтаксическое управление. И то, и другое, может быть обязательным (сильным), факультативным (слабым) и нулевым. Все это возможно, таким образом, девять семантико-синтаксических типов управления. Все они получают естественную интерпретацию на материале русского языка.

В седьмом разделе этой главы дается общая характеристика средств перифразирования. Система перифразирования состоит из перечня лексических синонимических средств языка, содержащегося, по замыслу, в словаре толково-комбинаторного типа, и правил перифразирования. В реферируемой монографии средства перифразирования описываются в следующих четырех главах, а правила перифразирования в последней, седьмой главе.

Перифразировать предложение можно с помощью производных слов, многозначных слов, лексических синонимов, конверсивов, антонимов, слов с родовым значением и тому подобных средств, а также квазисинонимов, квазиконверсивов, квазиантонимов и других семантических квазикатегорий. Квазикатегории участвуют либо в имплицативных преобразованиях предложений, либо в равнозначных преобразованиях - при условии нейтрализации их семантических различий.

В связи с последним вопросом в реферируемой монографии развязывается концепция нейтрализации применительно к лексической семантике. Рассматриваются и иллюстрируются материалом следующие типы нейтрализации: а) языковые - ситуативные условия нейтрализации; б) нейтрализация в языке - нейтрализация в речи; в) нейтрализация в пределах слова - нейтрализация в пределах словосочетания; г) полная - частичная нейтрализация. Главным в учении о нейтрализации считается формальное описание позиций,

в которых она происходит.

Глава третья. Словообразование и многозначность.

Между словообразованием и многозначностью есть много общего. Во-первых, если рассматривать словообразование в ономастическом плане, то обнаруживается поразительное подобие основных словообразовательных типов и типов регулярной многозначности (см. ниже). Именно эти параллельные типы словообразования и многозначности входят в арсенал синонимических средств языка. Во-вторых, к многозначности применимы многие понятия, выработанные первоначально на материале словообразования, например, понятия регулярности и продуктивности. Это и дает основание объединить исследование словообразования и многозначности.

Данная глава распадается на три раздела.

В первом разделе рассматривается несколько субстантивных словообразовательных типов, элементы которых могут участвовать в синонимическом перефразировании предложений, ср. приказывать - отдавать приказ. Друг подарил ему часы - Он получил в подарок от друга часы - Друг преподнес ему в подарок часы - Подарком его друга были часы.

Во втором разделе с той же точки зрения рассматривается супплетивное словообразование. Дается определение и выделяется 12 типов супплетивного словообразования, в том числе: 1) глагол - имя действия (Он хорошо видит - У него хорошее зрение); 2) действие - его субъект (Что вызвало пожар? - Что явилось причиной пожара?); 3) действие - его объект (Она его боготворит - Он ее кумир); 4) действие - его инструмент (писать - кисть); 5) действие - его средство (лечить - лекарство); 6) действие - способ действия (держаться - манеры); и т.п.

В связи с понятием супплетивного словообразования рассматривается одна группа близких к нему явлений - отношения в парах слов типа граничить - почти (Это граничит с предательством - Это почти предательство), начинать - с (начинать работу в восемь - работать с восьми), отсидеть - как только (Стоит ему войти - Как только он входит), сам - личный (Сам наблюдал - личное наблюдение), если - условие, один - только (Один Петр пришел - Только Петр пришел). Приводятся аргументы и контраргументы в пользу того, чтобы считать такие пары либо супплетивными производными,

либо лексическими синонимами.

Третий раздел посвящен многозначности в ее отношении к синонимическим средствам языка. Сначала излагается общая теория многозначности: языковая многозначность и ситуативная неопределенность, синтаксическая и лексическая многозначность, метафорическая и метонимическая и мотивированная многозначность, многозначность слова и диффузность значений, топологические типы многозначности, многозначность и омонимия, многозначность и моносемия дизъюнктивного типа (ср. гаснуть = 'переставать гореть или светить'). Прослеживаются связи между различными типами многозначности. Рассмотренный в этих параграфах материал служит основой для определения лексической многозначности, которое строится через определение сходства значений.

Значения a_1 и a_j слова A называются сходными, если существуют такие уровни семантического описания, на которых их толкования или коннотации имеют нетривиальную общую часть (У. Вейнрейх), и если эта часть выполняет в толкованиях одну и ту же семантическую роль. Значения топить¹ = 'каузировать смерть от задыхания путем погружения в жидкость' и топить² = 'каузировать становиться жидкостью путем нагревания' с этой точки зрения не являются сходными, хотя у них есть два совпадающих компонента: 'каузировать' и 'жидкость'. Дело в том, что первый из них тривиален, а второй играет существенно разные роли в семантических структурах топить¹ и топить². Для топить¹ 'жидкость' — среда, в которую нечто погружается, а погружение в нее — способ причинения смерти, между тем как для топить² 'жидкость' есть результат действия.

Слово A называется многозначным, если любые два его значения либо сходны, либо связаны друг с другом цепочкой попарно сходных значений. Таким образом, не требуется, чтобы общая часть была у всех значений многозначного слова; достаточно, чтобы каждое значение было связано хотя бы с одним другим значением. Тем самым определение охватывает все топологические типы полисемии, в частности, и радиальную, и цепочечную полисемию.

Полисемия слова A со значениями a_1 и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово B со значениями b_1 и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_1 и a_j , и если $a_1 - b_1$, $a_j - b_j$ попарно несинсемичны. Таков, например, тип многознач-

ности, представленный в словах водяной (капля - турбина), воздушный (поток - тормоз), паровой (облако - двигатель), ртутный (капля - выпрямитель).

Регулярная полисемия 'А' - 'В' называется продуктивной, если для любого слова, имеющего значение типа 'А', верно, что оно может быть употреблено и в значении типа 'В' (близкое к этому понимание продуктивности применительно к словообразованию было сформулировано Н.Д.Арутюновой). Так, всякое существительное со значением 'сосуд' может обозначать также 'количество вещества, входящего в сосуд', ср. В бочке оставалось не больше ведра, кастрюли, стакана, ложки воды.

Вся остальная часть главы посвящена исследованию типов регулярной многозначности существительных, глаголов и прилагательных. Всего названо и проиллюстрировано представительным материалом около 90 типов регулярной (а иногда и продуктивной) многозначности.

Продемонстрируем причастность регулярной многозначности к синонимическим средствам языка на примере некоторых актантных значений существительных: 1) 'действие' - 'субъект действия', например, выделение, испарение, командование, конвой; ср. Фильм произвел сенсацию - Фильм был сенсацией; 2) 'состояние' - 'причина состояния', например, обида, разглетение, утешение; ср. Только он доставляет мне радость - Он моя единственная радость; 3) 'свойство' - 'субъект свойства', например, авторитет, колкость, ценность; ср. Его авторитет в этой области неоспорим - Он неоспоримый авторитет в этой области; 4) 'действие' - 'объект действия', например, выписка, выручка, набойка, проигрыш; ср. Чтение старых логий было очень интересно - Старые логии были очень интересным чтением; 5) 'действие' - 'результат действия', например, вывих, ожог, резьба, углубление; ср. Обстоятельства ранения неизвестны - Ранение получено при неизвестных обстоятельствах; 6) 'действие' - 'средство действия', например, грунтовка, драпировка, замаска, изоляция; ср. Грунтовку холста выполнял ученик - Грунтовку на холст наносил ученик; 7) 'действие' - 'инструмент действия', например, вентиляция, зимн. отопление, прицел; ср. Отопление производится с октября по апрель - Отопление включено с октября по апрель; 8) 'действие' - 'место действия', например, вход, причал, разветвление; ср. Я дошел до

места вашей зимовки - Я дошел до вашей зимовки; 9) 'действие' - 'время действия', например, обед, охота, покос; ср. прийти во время обеда - прийти в обед.

Глава четвертая. Лексические синонимы.

Эта глава состоит из четырех разделов.

Первый посвящен определению лексических синонимов. Определение строится в чисто семантических терминах; во всех естественных языках, в силу идиоматичности лексической сочетаемости, возможность взаимозамен не вытекает непосредственно из факта тождества значений.

Для признания двух лексических единиц синонимами необходимо и достаточно, чтобы они (1) имели полностью совпадающие толкования, (2) имели в точности совпадающие структуры семантических валентностей, (3) принадлежали к одной и той же глубинно-синтаксической части речи.

Условие (1) самоочевидно; отметим, что оно не требует совпадения семантических ассоциаций или коннотаций (осел и ишак в одно и то же жилище - синонимы).

Условие (2) необходимо для того, чтобы отличить синонимы от конверсивов, т.е. пар типа строить - строиться (Рабочие строят дом - Дом строится рабочими), входить - вмещать (В бутылку входит три литра - Бутылка вмещает три литра). Некоторые типы конверсивов имеют идентичные толкования; в частности, с радательная форма глаголов не может быть истолкована иначе, как через отсылку к толкованию лексикографически исходной формы действительного залога. Такие конверсивы отличаются от синонимов лишь структурой семантических валентностей.

Условие (3) необходимо для того, чтобы отличить лексические синонимы от чисто синтаксических производных типа поддерживать - поддержка, быстрый - быстро и т.п. В таких парах слов имеет место и тождество лексического значения, и тождество валентных структур, и лишь тот факт, что они принадлежат к разным частям речи, отличает их от синонимов.

Во втором разделе рассматриваются источники лексической синонимии. Известно, что для всякого литературного языка характерна тенденция к преодолению "нефункционального различия единиц" (М.В. Панов). Она в первую очередь подчиняет всему влиянию

устойчивые (исконные или вполне ассимилированные) стилистически нейтральные высокоупотребительные деривационно простые единицы в их основных значениях. Поэтому в данном слое лексики точных синонимов в определенном выше смысле относительно немного (ср. бросать - кидать, метиться - целиться, везде - всюду). Во всех других слоях лексики (экспрессивные, переносные, фразеологически связанные значения, некоторые типы производных, недавние заимствования) сопротивление материала этой тенденции, поддержанное противостоящими ей процессами инновации, значительно возрастает. Результатом является большое число точных синонимов, ср. вклатить - влепить (выговор кому-л.), (бежать) во весь дух - во все лопатки - со всех ног, влететь - достаться - нагореть (от отца), брать - забирать (влево), беззастенчиво - бессовестно (врать), испугать - напугать, приходится - причитаться (на чью-л. долю), моногамия - единобрачие и т.п.

Третий раздел посвящен исследованию сочетаемостных различий между семантически точными синонимами. Лексические синонимы могут отличаться друг от друга по признакам семантической, лексической и морфосинтаксической сочетаемости. В каждом из этих случаев возможны следующие степени совпадения - несовпадения сочетаемости: 1) полное совпадение, 2) включение, 3) пересечение, 4) полное несовпадение. Всего возможно, таким образом, 12 типов сочетаемостных различий между точными лексическими синонимами. Девять из них допускают взаимозамену.

В реферируемой монографии подробно описаны 7 из перечисленных 12 типов сочетаемостных различий.

В последнем - четвертом - разделе этой главы рассматривается вопрос о семантически неточных синонимах, или квазисинонимах. Два основных типа семантических различий между квазисинонимами - родо-видовые (включение значений, ср. болеть - саднить) и видо-видовые (пересечение значений, ср. жечь - ломить - мыть - резать - саднить - свербеть - стрелять). При всей своей тривиальности это утверждение не излишне, так как разные семантические типы квазисинонимов образуют классы разной внутренней структуры и по-разному проявляют себя относительно нейтрализации.

Нейтрализуемыми обычно оказываются родо-видовые различия; ср. зачеркивание компонента '... или хорошим' в толковании ис-

правиться = 'стать лучше или хорошим', когда этот глагол сочетается с наречием типа немного. Если учесть, что улучшиться = 'стать лучше', то контекст наречия немного оказывается контекстом по крайней мере частичной нейтрализации для квазисинонимов исправиться - улучшаться: Погода немного исправилась = Погода немного улучшилась.

В связи с наличием квазисинонима анализируется понятие оттенка значения. Показано, что это понятие дублирует следующие гораздо более определенные понятия теоретической семантики: а) компонент смысла, б) логический акцент, в) особенность семантической, лексической или морфосинтаксической сочетаемости, г) элемент прагматики, в частности, коннотацию. Таким образом, для понятия оттенка значения не удается найти никакого удовлетворительного теоретического статуса.

Глава пятая. Лексические конверсивы.

Эта глава состоит из четырех разделов.

В первом разделе обсуждается семантическое назначение конверсивов, т.е. пар слов типа выигрывать - проигрывать, выйти - истратить (У нас вышли все деньги - Мы истратили все деньги), выезжать - вывозить (Он выезжает на (своем) помощнике - Его вывозит помощник), и дается их определение.

Семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различия в логическом ударении (выделении, подчеркивании). Когда говорят Перворазрядник выиграл у чемпиона, в фокус внимания ставят тот факт, что перворазрядник играет очень хорошо (выиграл у самого чемпиона!). Когда говорят Чемпион проиграл перворазряднику, в фокус внимания ставят тот факт, что чемпион играл не слишком хорошо (проиграл какому-то перворазряднику!). Эти различия часто связаны еще с различиями в определенности - неопределенности именных групп, реализующих валентности конверсивов.

Определение лексических конверсивов строится более или менее симметрично определению лексических синонимов. Конверсивы подобны синонимам по признакам (1) и (3), но отличаются от последних по признаку (2): они имеют "обращенные" структуры семантических валентностей. Так, у слова входить первая валентность присоединяет имя содержимого, а вторая - имя вместилища

(В бутылку входит три литра); в противоположность этому, у его конверсива вместать первая валентность присоединяет имя вместя-
лица, а вторая - имя содержимого (Бутылка вмещает три литра).

Во втором разделе рассматриваются источники лексической конверсии - готовые словарные конверсивы (см. выше) и регулярные способы образования конверсивов. К числу последних относятся страдательные формы глаголов, сравнительные степени прилагательных и наречий и некоторые типы отглагольных существительных и прилагательных, ср. существительные со значением объекта, инструмента, средства, места, результата действия и т.п.

В третьем разделе рассматриваются синтаксические, семантические и сочетаемостные типы конверсивов.

Выделено 6 основных синтаксических типов конверсивов и около 25 семантических, в частности, разнообразно представленные классы конверсивов со значением состава, превращения (Из воды получился пар - Вода превратилась в пар), наличия (Он располагает любопытными фактами - У него имеются любопытные факты), проявления (В голосе звучит тревога - Го с звучит тревогой), покрытия (Тина затянула пруд - пруд залыл тиной), погружения (Шум голосов покрыл его крик - Его крик потонул в шуме голосов) и др.

В последнем разделе этой главы рассматриваются квазиконверсивы, т.е. слова с обращенными или частично обращенными валентными структурами, значения которых соотносятся как род и вид или как два вида одного рода. Пример первых: Он драпирует стены коврами (с целью украшения) - Он вешает ковры на стены (цель не указана). Пример вторых: вписывать квадрат в окружность (окружность была раньше) - описывать окружность вокруг квадрата (раньше был квадрат).

Выделяются пять богато представленных типов квазиконверсивов, в частности, 1) 'каузатив неучастника ситуации' - 'инцидент или результатив': Поломки вызывают аварии \Rightarrow Аварии происходят из-за поломок; 2) 'преобразование' - 'создание': переделать патрон в зажигалку \Rightarrow сделать зажигалку из патрона; 3) 'полнота охвата объекта действием' - 'распространение действия на объект': завешать стену картинами (покрыть всю поверхность стены) - повесить картины на стену (степень покрытия стены не указана).

В условиях нейтрализации семантических противопоставлений

между квазиконверсивами они приобретают статус синонимических средств языка и могут участвовать в образовании перифрастических рядов. Механизмы нейтрализации у квазиконверсивов — те же самые, что у синонимов. В паре А привык к В — В вошло у А в привычку второй элемент (войти в привычку) имеет более узкое значение, чем первый. Он требует, чтобы А и субъект В совпадали; для привык^а это необязательно (ср. Я привык к его болтовне, но не *Его болтовня вошла у меня в привычку). В условиях, когда такое совпадение имеет место, семантическое различие между этими квазиконверсивами нейтрализуется: Я с детства привык курить — Куренье с детства вошло у меня в привычку.

Глава шестая. Лексические антонимы.

Эта глава тоже состоит из четырех разделов.

В первом из них рассматриваются имеющиеся определения антонимов, выясняется ключевая роль понятий противоречивости, противоположности и обратности в этих определениях и дается семантический анализ указанных понятий в качестве подготовительного шага к определению лексических антонимов. Показано, что общей для всех трех понятий является идея отрицания, а отличаются они друг от друга главным образом числом вхождений отрицания и его местом в их семантической структуре. Противоречивость описывается формулой 'А' — 'не А' (зрячий — слепой); противоположность — формулами 'АВ' — 'А не В' (начинать — переставать) или 'больше' — 'меньше' (большой — маленький); обратность — формулой 'АВ и Х не Y' — 'А не В и ZY' (прямой — обратный порядок).

Второй раздел посвящен определению антонимов. Он начинается с рассмотрения пар слов, семантические отношения между которыми описываются в литературе по крайней мере одним из названных трех терминов. Такие пары объединяются в естественные семантические классы, и каждый класс подвергается семантическому анализу на предмет определения типа антонимии, к которому он относится. Выделяются четыре основных семантических класса и шесть периферийных.

Первый класс — лететь — вылететь, сбегаться — разбежаться, включить — выключить, анализ — синтез, первый — последний — сводится к семантическому противопоставлению 'начинать' — 'переставать', т.е. в конечном счете к типу 'АВ' — 'А не В', так

как переставать (делать что-л.) - 'начинать не (делать что-л.)'. Этот класс входит в тип антонимов, который называется $Anti_1$.

К тому же типу антонимов относятся семантические классы 'действие' - 'уничтожение результата действия', ср. слепить - разлепить, собрать - разобрать, зашифровать - расшифровать и т.п.

В первый тип антонимов входят, таким образом, некоторые пары слов с противоположным значением (влететь - вылетать, слепить - разлепить) и все пары слов с обратным значением (анализ - синтез).

Во второй тип антонимов - $Anti_2$ - входят пары слов с противоречащими значениями, и только такие пары. $Anti_2$ - это семантическое противопоставление 'А' - 'не А', ср. влажный = 'содержащий влагу' - сухой = 'не содержащий влаги', соблюдать - нарушать = 'не соблюдать', наличие - отсутствие, рождество - различие, живой - мертвый, зрячий - слепой и т.п.

Между $Anti_1$ и $Anti_2$ имеется естественная связь. В частности, предельным результатом начала какого-то процесса может быть наличие определенного свойства, а предельным результатом прекращения процесса - отсутствие свойства. Но начало и прекращение - это антонимия $Anti_1$, а наличие и отсутствие - $Anti_2$.

Третий тип антонимов - $Anti_3$ - представлен парами слов с противоположными значениями, содержащими компоненты 'больше' - 'меньше', ср. высокий - низкий, частый - редкий, много - мало, увеличиваться - сокращаться, греть - остужать, излишек - недостаток и т.п.

Этот тип антонимии тоже близок к $Anti_1$, особенно в предельных случаях. Такие слова с количественным значением, как много - мало, часто - редко являются типичными представителями антонимии $Anti_3$. Если же взять предельные значения признаков, обозначаемых этими наречиями, т.е. кванторные слова все - никто, всегда - никогда, то получится антонимия $Anti_1$: всегда = 'никогда не', все = 'никто не'.

Периферийные семантические классы антонимов представлены словами со значением пространственной ориентации (попутный - противный (ветер), внутренний - внешний), цветообозначениями (белый - черный), прилагательными со значением вкусовых ощущений (горький - сладкий), словами со значением эмоциональных или

интеллектуальных свойств, состояний или отношений (гордость - стыд, смелый - робкий, любить - ненавидеть) и некоторыми другими. Подавляющее большинство таких антонимов относится к типу $Anti_1$.

С еще одной точки зрения различается простая и сложная антонимия. В случае простой антонимии элементарное антонимическое противопоставление $Anti_1$, $Anti_2$ или $Anti_3$ представлено в толкованиях антонимов ровно один раз, а в случае сложной - два или более раз; ср. любовь X-а к Y-у = 'чувство, испытываемое X-ом к Y-у, который приятен X-у и вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или делать Y-у добро'; ненависть X-а к Y-у = 'чувство, испытываемое X-ом к Y-у, который неприятен X-у и вызывает у X-а желание не быть в контакте с Y-ом или делать Y-у зло'.

В заключение второго раздела дается формальное определение антонимов, которое строится с учетом всех рассмотренных типов антонимии.

В следующем разделе обсуждаются еще три важные темы теории лексической антонимии: семантическая асимметричность антонимов, сочетаемостные различия антонимов и регулярные средства их образования.

Семантическая асимметрия антонимов - это свойство большей смысловой сложности одного из них. В случаях $Anti_1$ и $Anti_2$ семантически более сложен тот антоним, толкование которого содержит отрицание, в случае $Anti_3$ - антоним с компонентом 'меньше'. Семантическая асимметрия антонимов проявляется внешне в ограничениях их сочетаемости. Господствующей закономерностью является большая дистрибутивная свобода семантически более простого члена каждой пары.

Антонимия стелчается от синонимии и даже конверсии тем, что постоянно пополняется за счет многочисленных и вполне регулярных средств антонимообразования, в основном, префиксов и суффиксов. В русском языке, по подсчетам автора, имеется свыше 40 регулярных способов антонимообразования, кратко перечисляемых в реферируемой монографии.

В последнем, четвертом разделе шестой главы рассматривается вопрос о квазиантонимах. Дается определение этого понятия и перечисляются основные семантические типы (в количестве II) родо-

видовой и видо-видовой квазиантонимии, ср. раскалить - остудить, зоркость - слепота, заматывать - вскрывать (недостатки), возвращаться - уйти, толкать - тянуть и т.п.

Глава седьмая. Глубинно-синтаксические преобразования.

Глава состоит из четырех разделов.

В первом из них коротко описываются основные этапы в разработке лингвистической теории синонимических преобразований - учение о синтаксической (функциональной) транспозиции, учение о трансформациях, концепции синтаксической синонимии и, наконец, теория перифразирования модели "Смысл \leftrightarrow Текст". В реферируемой монографии в развитие этой теории предлагаются некоторые новые правила перифразирования.

Эти правила излагаются во втором разделе. Они формализуют материал, исследованный в предшествующих главах. Так, для типа антонимии $Anti_2$ предлагается естественное правило преобразования $X \leftrightarrow \text{не } Anti_2(X)$, ср. слепой - незрячий, факультативный - необязательный, отсутствовать - не присутствовать и т.п. Экспликация этого правила очевидна: $Anti_2(X) = \text{'не } X\text{'}$ (по определению $Anti_2$); $\text{не } Anti_2(X) = \text{'не не } X\text{'} = \text{'}X\text{'}$ (по правилу снятия двойного отрицания). Для типа антонимии $Anti_1$ предлагается более сложное правило преобразования:

$$X \rightarrow Y \leftrightarrow Anti_1(X) \rightarrow Anti_2(Y),$$

ср. всегда присутствовать - никогда не отсутствовать, перестать соблюдать правила - начать нарушать правила, Мы должны исключить такую возможность - Нам нельзя допустить такой возможности и т.п. Экспликация правила: $Anti_1(X) = \text{'}X \text{ не}'$, $Anti_2(Y) = \text{'не } Y\text{'}$ (по определению); $Anti_1(X) \rightarrow Anti_2(Y) = \text{'}X \text{ не} \rightarrow \text{'не } Y\text{'} = \text{'}X \rightarrow Y\text{'}$ (по правилу снятия двойного отрицания).

Всего предлагается 17 новых правил перифразирования. Они делятся на два основных типа - равнозначные преобразования и импlicative преобразования. Не выписывая самих формальных правил, проиллюстрируем примерами каждый из двух основных типов.

Равнозначные преобразования: Ребенок начинает ходить - Ребенок делает первые шаги (шаг - квант действия ходить); держаться прямо - иметь прямую осанку (осанка - способ действия держаться); Самолет летит через Северный полюс - Курс полета самолета пролегает через Северный полюс (курс - маршрут действия

лететь); Девушка загорела – Девушка покрылась загаром (загар – результат по действию загореть).

Импликативные преобразования: Агрессор поддерживает напряженность ⇒ Напряженность сохраняется (поддерживать = ‘каузировать сохраняться’); Коняхи засыпает ясли пшеницей ⇒ Коняхи сыплет пшеницу в ясли (ср. третий тип квазиконверсивов в пятой главе); продава.ься ⇒ быть в торговой сети (торговая сеть – существительное со значением места от глагола продаваться).

В третьем разделе ставится вопрос об ограничениях, накладываемых на равнозначные и импликативные преобразования, или, что то же самое, о языковых и контекстуальных условиях, в которых правила неприменимы. Подробно исследуется только один тип ограничений – ограничения в области сочетаемости.

Как уже говорилось, в реферируемой монографии рассматриваются три типа сочетаемости – семантическая, лексическая и морфосинтаксическая. Запреты, в свою очередь, делятся на два основных типа – лексические (привязанные к конкретной паре преобразуемых выражений А и В) и семантические (действительные в рамках крупных семантических классов). Всего, таким образом, получается 6 типов ограничений, из которых в реферируемой монографии подробно рассмотрены 5. Приведем пример.

По одному из правил равнозначного преобразования глагол встретиться может быть преобразован в выражение встреча произошла, состоялась, ср. Делегации встретились в сентябре <в Москве> ⇔ Встреча делегаций произошла в сентябре <в Москве>. Свобода этого преобразования зависит от типа обстоятельство и дополнений, входящих в преобразуемые предложения, и от того, к какому слову они присоединяются. Наличие у глагола встретиться зависимых с темпоральным или локативным значением не препятствует указанному преобразованию (см. выше). Если же от глагола встретиться зависит обстоятельство цели, то преобразование возможно при том единственном условии, что обстоятельство передается существительному встреча, а не глаголу произойти: Делегации встретились в Москве с целью начать переговоры ⇒ Встреча делегации с целью начать переговоры произошла в Москве, но не *Встреча делегаций произошла в Москве с целью начать переговоры. Это ограничение объясняется следующим общим правилом русской грамматики: языковое выражение, имеющее значение цели, мо-

жет синтаксически зависеть лишь от такого предикатного слова, субъект которого совпадает с субъектом цели. Это и понятно: цель, в отличие от места, времени, причины и т.п., характеризует не только действие, но и субъект действия.

В последнем четвертом разделе формулируется один общий закон, ограничивающий применимость правил перифразирования. Она тем больше, чем менее маркированным является перифразирующее средство и контекст, в котором употреблено исходное выражение.

Библиография

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., "Наука", 1974, 367 стр. Рец.: Н.Савицкий, "Československa rusistika", 1975, № 5; Ö.Dahl, "Russian Linguistics", 1976, vol. 3; A.Wierzbicka, International Review of Slavic Linguistics, 1976, vol. 1, No. 1; Елена Тодорова, Болгарска русистика, 1977, 3; Peter Schmidt, "Russian Linguistics", 1981, vol. 6, No. 1. Монография переведена на польский язык: Jurij D.Apresjan. Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka. - Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Ossolineum, 1980, 468 стр.

2. Об экспериментальном толковом словаре русского языка. - ВЯ, 1968, № 5, стр. 34-49.

3. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. - "Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие". М., "Наука", 1969, стр. 302-306.

4. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. - Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1969, № I, стр. 49-61. Переведена на польский, сб. "Semantyka i słownik", Warszawa, Ossolineum, 1972.

5. Синонимия и синонимы. - ВЯ, 1969, № 4, стр. 75-91. Переведена на английский, сб. "Trends in Soviet theoretical linguistics", ed. by F.Kiefer. Foundations of language. Supplementary series. Vol. 18, 1973.

6. О языке для описания значений слов. - Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1969, № 5, стр. 415-428.

7. Синонимия и конверсивы. - "Русский язык в национальной школе", 1970, № 6, стр. 8-17.

8. К теории семантических преобразований. - "Информационные вопросы семантики, лингвистики и автоматического перевода", М., 1971, вып. 1, стр. 3-15.

9. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. (Отвечает Н.Д.Шведовой). - ВЯ, 1971, № 1, стр. 23-36.

10. Семантические преобразования и синтагматические фильтры. - "Машинный перевод и прикладная лингвистика", 1971, вып. 14, стр. 3-42.

11. О регулярной многозначности. - Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1971, № 6, стр. 509-523. Переведена на английский, "Linguistics. An International Review" 1974, 142.

12. Об одном правиле сложения значений. - "Проблемы структурной лингвистики 1971", М., "Наука", 1972, стр. 439-458. Переведена на английский, "Linguistics. An International Review", 1977, №. 185.

13. Современная лексическая семантика. I. Вопросы семантического анализа. - "Русский язык в национальной школе", 1972, № 2, стр. 2-14.

14. Современная лексическая семантика. II. Синонимические средства языка и правила парифразирования. - "Русский язык в национальной школе", 1972, № 3, стр. 19-27.

15. Лексические антонимы и преобразования с ними. - "Проблемы структурной лингвистики 1972", М., "Наука", 1973, стр. 326-348. Переведена на польский, сб. "Tekst i język. Problemy semantyczne". Warszawa, Ossolineum, 1974.

16. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. - "Проблемы структурной лингвистики 1972", М., "Наука", 1973, стр. 279-325.

17. Значение и оттенок значения. - Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1974, № 4, стр. 320-330.

18. Явления нейтрализации в области лексической семантики.
- "Filologické studie V věnováno prof. dr. L.V.Koreckému, Dr. Sc.,
k osmdesátým narozeninám" Praha, 1974, стр. 99-111.

19. Лексические конверсии в русском языке. - "Linguistica
silesiana", том 1, Katowice, 1975, стр. 71-99.

20. Die semantische Sprache als Mittel der Erklärung lexi-
kalischer Bedeutungen. - "Theoretische Linguistik in Osteuropa",
Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1976, стр. 22-48.